

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ПРАВА І ДЕРЖАВИ

УДК 320.1

В. П. Плавич

доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор, академик, Заслуженный деятель науки и техники Украины Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, кафедра общеправовых дисциплин и международного права Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина

С. В. Плавич

кандидат юридических наук
Апелляционный суд Одесской области, помощник судьи
ул. Гайдара, 24-А, Одесса, 65000, Украина

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ

Анализируются проблемы юридического обоснования правовых норм. Раскрыта методология герменевтического анализа правовых текстов. Обоснована возможность создания экспертных систем, способных просчитать возможные траектории движения действующего субъекта к той или иной цели в заданном нормативном направлении.

Ключевые слова: юридическое обоснование, правоприменительная деятельность, моделирование правовых ситуаций, интуитивное правовое чувство, новые способы познания реальности.

Постановка проблемы. Для юриспруденции правильное решение вопроса о природе и логической структуре норм права является одним из важнейших условий, обеспечивающих единообразие и точное применение и исполнение юридических законов правоприменительными органами, учреждениями, организациями и гражданами. Норма права выступает регулятором особого рода общественных отношений, именующихся правоотношениями. Как показывает государственно-правовая жизнь, проблема обоснования юридических норм всегда была и остается актуальной в теории государства и права, а ее решение не может быть однозначным в силу природы и характера правовых норм.

Анализ последних исследований и публикаций. Значительное внимание разработке учения об основании юридических норм и применении законов уделяют такие ученые, как Н. М. Онищенко, Ю. С. Шемшученко, Н. М. Пархоменко, О. Д. Тихомиров, А. И. Ющик, О. В. Скрыпнюк, Г. О. Мурашин и др. Рассматриваемая проблема является, пожалуй, наиболее сложной и в то же время наименее разработанной в теории аргументации, логики и права.

Постановка задачі. В данній публікації пропонується на основі узагальнення теоретических досліджень і положень діючого законодавства України дослідити проблему обґрунтування юридических норм і застосування юридических законів України.

Изложение основных положений. Поняття норми права належить к числу найбільш важлих категорій теорії права. Будь-яке правове явлення розкривається і виявляє себе тільки во взаємозв'язку з нормами права. Норме права, як частини системи, в тій или іншій степені свойственні ознаки, присущі праву. Поєтому їй можна дати визначення, ідентичне по своєму значенню визначенню права в цілому [1, с. 78].

При розгляді юридическої норми виявляється, що вона має визначену системно-структурну організацію, оскільки складається з двох взаємозв'язаних елементів, а саме: перша частина данної норми визначає ті норми, при наявності яких виникають взаємні зобов'язання і претензії між двома особами, тоді як друга частина встановлює самі зобов'язання і претензії. Данні умовні правила складаються з: 1) визначення умов застосування правила і 2) викладу самого правила. Відповідно, кожна юридическа норма може бути виражена в наступній формі: «якщо → то».

У. Луйкпен утверджував, що людині, як носієлю дорефлексивного свідомості, з початку присуще почуття справедливості, яке представляє собою основу права [2, с. 161]. Реалізація цього почуття (внутрішньої екзистенції) і є існування права. З суб'єкта, приймаючого державно-владні рішення, намагаються вивести становлення вічно змінюючогося права, — вважає Е. Фехнер [3]. У В. Майхофера розум породжує норму поведінки (індивідуальну норму) в конкретній життєвій ситуації, призначеної для визначеної типизованої ролі [4].

Вради з тим з'єднати єдиничну життєву ситуацію з постульованим універсальним початком соціального буття сторонникам цього напрямку також не вдалося. Можливо, в зв'язку з цим самому родоначальнику феноменології — Гуссерлю в кінці життя стало очевидним, що суб'єкт сам обумовлений життєвим світом (по термінології М. Хайдеггера — *Dasein*, в якому екзистує людина) [5, с.17].

А. Шюца і його послідовники відзначають, що соціальний світ представляє собою одночасно об'єктивну і суб'єктивну реальність. В якості першої він представлений соціальними інститутами, забезпечуючими соціалізацію індивіда і виробництво в формі традицій суспільства. Світ як суб'єктивна реальність — це унікальна суб'єктивність людини і його можливість змінювати (конструювати) об'єктивну реальність. Так забезпечується інноваційне виробництво соціума.

Необхідно відзначити, що, незважаючи на плідність цих положень соціолого-феноменологіескої школи права (они поширюються і на статус особистості, і на соціальні інститути, і на механізм зміни соціального світу і др.), відсутні будь-які спроби застосувати ці ідеї в правознавстві. Між тим головним постулатом такої «не

существующей» феноменологии права могла бы стать теория источника права (или формирования права). При этом основное внимание должно быть сосредоточено на разработке правовой инновации и, что еще более важно, на ее принятии населением (легитимации нововведения). Соглашаясь с представителями социологической феноменологии воспроизводства социальных институтов, можно вывести общее определение: право — это то, что принимается населением в качестве общеобязательных норм поведения.

Эвристическая ценность такого подхода, думается, очевидна: он позволяет более глубоко исследовать важные традиционные для теории права проблемы и прежде всего взглянуть на правовую реальность с новой стороны. Но нельзя не заметить и существенного недостатка в такой интерпретации права: все ли принимаемое населением (особенно в условиях манипулируемости общественным мнением со стороны политтехнологов) можно считать правом? Можно ли считать в качестве критерия права устойчивую повторяемость общественных отношений и представление о них как о должном? На каком «уровне» располагается общественная обязательность? Если вслед за Л. И. Петражицким в качестве «пределов» права рассматривать малую группу (что для сторонников мультикультуризма весьма характерно), то следует ли называть правом обязательные для всех членов, например, преступного сообщества (мафии) нормы? Думается, что общеродовое понятие права должно иметь несколько более содержательный признак, нежели легитимность (признание чего-либо населением).

Очевидно, что трансцендентальной феноменологии права не хватает конкретики имманентного, тогда как социологической феноменологии права не достает априорного основания, свойственного всем правовым явлениям. С нашей точки зрения, нормы права могут претендовать на статус правовых только в том случае, если они пройдут отбор историй.

Норма права — это общеобязательное, установленное или санкционированное и охраняемое государством правило поведения, выражающее обусловленную материальными условиями жизни волю и интересы народа, активно воздействующее на общественные отношения в целях их упорядочения. Любое государственно-организованное общество не может обойтись без норм права. Но это единичный феномен права, поэтому полное научное определение понятия предполагает выяснение присущих норме права специфических признаков [6, с. 365].

Значительное внимание разработке учения об основании правовой нормы было уделено учеными в дореволюционный период (Н. Коркунов, Ф. Тарановский, Г. Шершеневич и др.). Свое дальнейшее развитие оно получило в разработках советских ученых (Н. Александров, М. Байтин, П. Недбайло). Современный этап развития учения о правовой норме требует не только дальнейшего совершенствования, но и переосмысления важных ее признаков и свойств.

Таким образом, проблема обоснования норм, рассматриваемая авторами, является, пожалуй, наиболее сложной и в то же время наименее разработанной.

«Нормы» и «оценки» относятся к активным употреблениям языка, связанным непосредственно с человеческой деятельностью. Существуют две основные схемы целевого обоснования норм (оценок). В одной из них используется понятие логического следования, в другой — понятие причинной (казуальной) связи [7, с. 289].

Социальная теория, и в частности теория права, анализирует общество в свете улучшения условий существования человека. Описывая альтернативы дальнейшего развития тех или иных сфер социальной жизни или намечая историческую перспективу для общества в целом, социальная теория обязана подвергать критике другие возможные пути развития. Этого нельзя достигнуть без оценочных суждений. Человеческая деятельность невозможна без «норм» и «оценок». Науки, изучающие человека и общество и имеющие своей конечной целью рационализацию и оптимизацию человеческой деятельности, также используют «нормы» и «оценки», опираются на определенные ценности. Проблема здесь не в устранении «норм» и «оценок», что в данных науках в принципе недостижимо, а в обосновании объективности выдвигаемых нормативных и оценочных положений.

Наиболее важным способом обоснования объективности нормативных и оценочных положений является логическое выведение одних норм из других. Если какая-то норма логически следует из уже принятых норм, она обоснована и приемлема в той же мере, что и нормы, используемые в качестве посылок для ее выведения.

Этой проблемой занимается нормативная (деонтическая) логика. Можно лишь напомнить, что она не санкционирует логических переходов от чисто описательных (фактических) посылок к нормативным заключениям. Нормы нельзя вывести из описаний, описания — из норм.

Правовая норма отличается единством, целостностью, неделимостью. Для нее характерна определенная структура, т. е. специфическая компоновка содержания, связь и соотношение ее элементов.

Проблема структуры нормы права относится к числу дискуссионных. Мнения правоведов разделились: одна группа авторов (П. Е. Недбайло, В. М. Горшенев и др.) полагает, что норма права состоит из трех элементов, другая (Н. П. Томашевский, А. Ф. Черданцев) — придерживается двучленной системы.

С. С. Алексеев предлагает с достаточной четкостью провести разграничение между логическими нормами и нормами-предписаниями. Если логическая норма содержит три элемента, то норма-предписание — два: или гипотезу и диспозицию, или гипотезу и санкцию.

На наш взгляд, трехчленная структура нормы права — объективная реальность, внутренне присущее ей свойство. Однако предпринимаются попытки к дальнейшей дифференциации ее элементов. Так, А. Г. Братко при анализе запретов выделяет в них не три, а четыре элемента, так как, по его мнению, гипотеза содержит два элемента: гипотезу диспозиции (т. е. гипотезу запрета) и гипотезу санкции. В итоге получается структура запрещающей нормы: условие применения запрета — запрет, условие применения санкции — санкция.

Поэтому характеристика юридической нормы как истинной или ложной возможна только в рамках модальной или деонтической логики. Тезис же об истинности норм права при этом не доказывается.

Юридические нормы относятся к двойственным, описательно-оценочным (дескриптивно-прескриптивным) выражениям. Они содержат описание сфер правовых отношений жизни общества, а также предписывают определенные формы поведения и требуют реализации известных ценностей и идеалов.

Нередко это противоречивое единство описания и предписания разрывается, и юридическим нормам дается либо дескриптивная, либо прескриптивная интерпретация. Споры по поводу истинности данных норм ведутся с давних пор и сейчас не потеряли своей остроты.

Сторонники «крайнего подхода» считают юридические нормы описаниями и убеждены, что понятия «истина» и «ложь» приложены к ним в том же либо несколько модифицированном смысле, что и к остальным описаниям. Нередко выдвигается дополнительный аргумент: если бы юридические нормы не были связаны с истиной, то ни одну правовую систему нельзя было бы обосновать и все такие системы оказались бы равноправными.

Эта ссылка на угрозу релятивизма и субъективизма в праве очевидным образом связана с убеждением, что объективность, обоснованность и тем самым научность необходимо предполагают истинность, а утверждения, не являющиеся истинными или ложными, не могут быть ни объективными, ни обоснованными, ни научными. Это убеждение — характерная черта устаревшего стиля теоретизирования, ушедшего в прошлое более века назад.

Сторонники еще одного «крайнего подхода» подчеркивают регулятивную, проектирующую функцию юридических норм. Главным считается не дескриптивное, а прескриптивное их содержание, что исключает приложение к этим нормам понятия «истина». Нередко при этом, чтобы избежать релятивизма и иметь возможность сопоставлять и оценивать разные правовые системы, взамен истины вводится некоторое иное понятие. Его роль — быть как бы «заменителем» истины в сфере права. В качестве таких «суррогатов» истины предлагались также понятия «эффективность», «значимость», «целесообразность» и т. п.

Ни один из этих подходов к истинности юридических норм (принципов) нельзя назвать обоснованным. Каждый из них представляет собой попытку разорвать то противоречивое дескриптивно-прескриптивное единство, каким является юридическая норма (принцип), и противопоставить одну его сторону другой.

Проблема обоснования юридических норм и принципов связана с раскрытием их двойственного дескриптивно-прескриптивного характера. Юридические нормы и принципы напоминают двуликое существо, повернутое к действительности своим регулятивным ликом, а к ценностям — «действительностным», истинным ликом. Эти нормы и принципы оценивают действительность с точки зрения ее соответствия ценностям, идеалу, образцу и одновременно ставят вопрос об укорененности этого идеала в действительности.

Таким образом, проблема не в том, чтобы в области юриспруденции заменить добро истиной, и не в том, чтобы заменить добро чем-то, что напоминало бы истину и связывало бы, подобно ей, право с действительностью. Задача состоит в выявлении взаимосвязи и взаимного дополнения истины и добра, в установлении их взаимоотношений с другими юридическими категориями [8, с. 207–209].

Поняв правовую норму, индивид усваивает ее, и для соблюдения этой нормы остается необходимость волевой направленности. Процесс интерпретации правовой нормы является творческим, и, по сути, правоприменитель, выступая созаконодателем, создает новую норму, осуществляя акт подведения общей нормы и конкретного случая.

По нашему мнению, нормативное право в целом движется в направлении формализации и детализации своих гипотез и диспозиций, а значит, уходит от субъективизма и идет навстречу логике. Огромные возможности представляет формальная логика для разработки свидетельских показаний, выдвижения версий, о чем свидетельствуют разработки экспертных систем криминалистического, криминологического и розыскного назначения.

Что касается возможностей формального проектирования правовых ситуаций, то в перспективе представляется вполне возможным создание экспертных систем, способных просчитывать допустимые траектории движения действующего субъекта к той или иной цели в заданном нормативном направлении [9].

К сожалению, логический инструментарий права может использоваться в разных целях, в том числе и для обоснования «расширительного толкования закона», его свободной интерпретации. Мы должны научиться выражать дух закона в его букве. Однако создание специализированных систем для профессионалов с развитым, но не с аморфным правосознанием — это вопрос будущего.

Логическое выведение одних норм из других, уже принятых, является важным способом теоретического обоснования норм. Норма представляет собой частный случай ценностного отношения между мыслью и действительностью. Как таковые, они являются частным случаем оценок. Правовая норма — это социально навязанная и социально закрепленная оценка. Средством, с помощью которого оценка превращается в норму, является санкция, или «наказание» в широком смысле слова, налагаемое обществом на тех, кто отступает от установленных им предписаний. Правовые нормы — это жестко закрепленные социальные оценки со строго закрепленной санкцией.

Нормы как оценки, стандартизированные с помощью санкций, являются частным и достаточно узким классом оценок. Во-первых, нормы касаются человеческих действий или вещей, тесно связанных с действием, в то время как оценки могут относиться к любым объектам. Во-вторых, нормы направлены в будущее, оценки же могут применяться как к прошлому и настоящему, так и к тому, что вообще существует вне времени.

Отличие норм от других оценок связано, таким образом, с санкцией. Она имеет в конечном счете социальную природу.

Логика норм исходит, от представления, что все нормы, независимо от их конкретного содержания, имеют одну и ту же структуру.

Каждая норма включает следующие части, или элементы:

1) содержание — действие, являющееся объектом нормативной регуляции; 2) характер — норма, обязывающая, разрешающая или запрещающая это действие; 3) условия приложения — обстоятельства, в которых должно или не должно выполняться действие; 4) субъект — лицо или группа лиц, которым адресована норма.

Не все эти части находят явное выражение в нормативном утверждении. Однако без любой из них нет нормы.

В логике норм обычно характеризуются только три из четырех структурных частей нормы: содержание, характер и условия приложения. При этом предполагается, что все нормы адресованы одному и тому же субъекту и принадлежат одному и тому же авторитету. Это позволяет при записи норм на символическом языке отказаться от упоминания субъектов и авторитетов разных норм, входящих в рассуждение. Анализ структуры норм, даваемый нормативной логикой, совпадает в своей основе с теми представлениями о строении норм, которые давно уже устоялись в теории права. В юридической интерпретации всякая норма включает гипотезу, диспозицию и санкцию.

Применительно к правовым нормам санкцию естественно считать составным элементом нормы. Хотя нормы являются важным элементом социальной жизни, никакой ясной и универсальной классификации, охватывающей нормы всех видов, не существует.

Традиционно право не признавало иных методов исследования, кроме формально-нормативных (догматических). Поэтому считалось, что юридическая наука не обязана учитывать изменчивую социальную действительность. Известно, что поведение людей предполагает наличие таких социальных регуляторов, как ценности и нормы, которые не всегда формально фиксированы, но, тем не менее, достаточно сильно воздействуют на человека и его поведение. Ценности нормы часто существуют независимо от поведения отдельных людей, хотя и входят составляющей частью в сложный комплекс социальной действительности. Изменение права и эволюция общества взаимно коррелируются. Правовые нормы оказывают влияние на развитие общества и в тоже время меняются соответственно историческому процессу развития общественного строя.

Однако понятие «норма» может вызывать совсем другое восприятие, когда репродукция слов не гарантирует репродукцию смысла. Здесь, безусловно, наблюдаются симптомы изменений в восприятии права, которые увеличиваются по мере того, как современное гражданское общество реализуется в политической революции, индустриализации и всеобщей экспансии [10].

Интересно по этому поводу мнение Н. Лумана, который дал характеристику трех позиций, представленных в специальной литературе об изменениях, происходящих в «правовом восприятии». Его первая позиция касается мнения И. Канта о «правовой стороне проблемы революции». Если

анализировать кантовские воззрения по этому вопросу в целом, то они «успешно способствуют» превращению «политической монополии в базу права и делают возможными не только легитимацию, но и развитие легитимирующего себя правового порядка». Н. Луман считает, что вначале должно быть гарантировано повиновение, даже независимо от содержания норм, и только тогда власть в состоянии ограничить саму себя. «В этом наблюдается отказ от простых связей права и времени и переход к секвенции, последовательности шагов: сперва насилие, потом — право... Это означает, что тот, кто хоть как-то затронут революцией, не может больше положиться на законность своих ожиданий: он будет вынужден спекулировать на успехе или провале революции. Действие или бездействие — вот в чем вопрос» [11].

Вторая позиция Н. Лумана относительно правового восприятия заключалась в том, что «юридические решения проблем должны всегда сопоставляться с различными результирующими решениями». В Германии данная точка зрения утвердилась в связи с выдвиганием теологических или функциональных методов интерпретации. Более того, защищалась даже такая точка зрения, согласно которой все оценки, в конечном итоге, должны оправдываться через их последствия. Но и здесь «оценка» подразумевает то, что будущее выносит свое решение о праве и несправии, т. е. будущее, которое нам не известно и о котором можно лишь догадываться.

Третья позиция Н. Лумана касается социологического правопонимания. Причем юридическая значимость социальных наук является дискуссионной темой в Германии, так как в рамках социальных наук сложно выявить функцию нормы и смысл долженствования.

Если для Э. Гуссерля в образовании смысла определяющим является сознание субъекта [12, с. 124], то для Л. Витгенштейна смысл порождается не субъектом, а определенной социально-языковой практикой, которую, однако, может и должен осуществить только субъект. Это чрезвычайно важное наблюдение, т.к. субъект оказывается неотделенным от смысла, но «входит» в смысл через выражение.

Можно сказать, что Э. Гуссерль и Л. Витгенштейн, двигаясь противоположными путями, в равной степени открывают «субъектное» измерение смысла. Это позволяет сделать вывод, что роль выражения и роль субъекта в формировании смысла не случайна. Она характеризует «природу смысла», а не зависит от того или иного подхода.

Смыслы могут существовать объективно, независимо от субъекта, но они всегда созданы субъектом и языком. Таким образом, новый смысл должен пройти сначала через сознание субъекта, а затем воплотиться в речи, чтобы стать тем, чем он есть. Смысл предстает как идеально-объективное образование: идеальным, поскольку недоступен познанию с помощью органов и чувств, и объективным, поскольку один и тот же смысл может быть обнаружен и понят многими субъектами. При этом смысл — это именно то образование, с которым мы непосредственно имеем дело в процессе познания.

Тот факт, что определить онтологический статус смысла можно только через раскрытие механизмов его образования, демонстрирует и концепция К. Поппера. Смысл получает свое существование посредством его воплощения в языке. Таким образом, только язык благодаря своим возможностям обеспечивает данность смысла для нашего мышления и дальнейшую работу мысли и познания с разнообразными смысловыми образованиями.

Согласно умозаключениям И. Канта и Л. Витгенштейна, внутренняя форма выступает как важный смыслообразующий и когнитивный компонент [13, с. 67–310]. В рамках гуманитарного познания внутренняя форма может выступать как своеобразный символизм, сущность которого состоит в обнаружении фундаментального принципа, всеобщего закона опосредования, обуславливающего собой построение всего содержания культуры. Внутренняя форма обладает большими возможностями и как средство интерпретации, т. е. может рассматриваться как особая методологическая процедура, схема интерпретации, направленная на установление и расшифровку смысла [14, с. 11, 15].

Выводы. Право существует для нас как некая форма, имеющая отношение к проблеме напряженности между временными и социальными изменениями и выдерживающая эту напряженность даже в условиях эволюционного роста сложности и комплексности общественной структуры. Форма права выражается в комбинации двух различий, а именно: 1) модальности ожиданий «когнитивный / нормативный» и 2) кода «законный / незаконный» [15, с. 124]. Все общественные применения права действуют в рамках этих комбинаций и через них же варьируется предметный смысл.

Список литературы

1. Жоль К. К. Методы научного познания и логика / К. К. Жоль. — М.: Мысль, 2008. — 288 с.
2. Luijpen W. Phenomenology of Natural Law. — Pittsburg, 1967. — P. 161.
3. Fechner E. Rechtsphilosophie. — Tübingen, 1956.
4. Maihofer W. Sein und Recht. — Frankfurt am Main, 1954.
5. Михайлов А. А. Принципы феноменологической философии / А. А. Михайлов. — Минск: Современный литератор, 2001. — 191 с.
6. Теорія держави і права. Академічний курс: підручник / За ред. О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенко. — К.: Юрінком Інтер, 2006. — 400 с.
7. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. — 7-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 512 с.
8. Ивин А. А. Логика для юристов: Учебное пособие / А. А. Ивин. — М.: Гардарики, 2004. — 288 с.
9. Романов Ю. *Scientia potential est* / Ю. Романов // Компьютеры. — 2000. — № 23. — С. 23–24.
10. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей истории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.
11. Luhmann N. *Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie u. Rechtstheorie*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981.
12. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с нем. А. В. Михайлова. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — Т.1. — 486 с.
13. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука: сочинения в 6 томах / И. Кант И. // АН СССР. Ин-т философии: ред. В. Ф. Асмус. — М.: Мысль, 1965. — Т.4. — 367 с.

14. Рябокоровка Г. В. Внутрішня форма як категорія філософсько-гуманітарного пізнання / Г. В. Рябокоровка: Автореф. дис. ... канд. філос. наук: спец. 09.00.02 «Діалектика і методологія пізнання». — Одеса, 2008. — 20 с.
15. Плавич В. П. Разработка учения об обосновании юридической нормы: современный этап развития / В. П. Плавич // Юридична наука: сучасний етап та перспективи розвитку. — Київ: Юридична думка, 2009. — С. 123–126.

В. П. Плавич

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра загальноправових дисциплін та міжнародного права
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

С. В. Плавич

Апеляційний суд Одеської області
вул. Гайдара, 24-А, Одеса, 65000, Україна

ПРОБЛЕМА ОБҐРУНТУВАННЯ ЮРИДИЧНИХ НОРМ

Резюме

Аналізуються проблеми обґрунтування юридичного тлумачення правових норм і застосування законів. Розкрита цікава методологія герменевтичного аналізу правових текстів. Обґрунтована можливість створення експертних систем, здатних прорахувати можливі траєкторії руху діючого суб'єкта до тієї чи іншої цілі у заданому нормативному просторі.

Ключові слова: юридичне обґрунтування, правозастосовна діяльність, моделювання правових ситуацій, інтуїтивне правове чуття, нові способи пізнання реальності.

V. P. Plavich

Odessa I. I. Mechnikov National University,
The Department of General Juridical Disciplines and International Law
Frantsuzskiy Boulevard, 24/26, Odessa, 65058, Ukraine

S. V. Plavich

Appellate Court of Odessa region
Gaidara str., 24-A, Odessa, 65000, Ukraine

THE PROBLEM OF LEGAL JUSTIFICATION

Summary

This article is devoted to the problem of the improving of legal interpretation of legal norm and law enforcement. It was revealed the interesting method of hermeneutics analysis of the text. It is grounded the resources of creating of the expert system, which is able to calculate the admissible paths of the movement of the acting party to one or another aim in the prescribed nominative space.

Key words: legal interpretation, law enforcement activity, designing of legal situation, intuitive legal sense, new method of cognition of reality.